

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik

Has been issued since 1858.

ISSN: 2309-6322

E-ISSN: 2409-1707

Vol. 13, Is. 3, pp. 145-163, 2016

DOI: 10.13187/vs.2016.13.145

www.ejournal6.com

UDC 94(497.5)

**The Militärgrenze from the battle of Solferino before the beginning
of demilitarization: three views out of Russia (F. F. Tornau, N.I. Krasnov,
B. Katalinich). Part II**

Artyom Y. Peretyatko

International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation
Laboratory of Military Research
PhD (History)
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Abstract

The article is analyzed the materials of Russian periodical press in 1860. It is about the Militärgrenze and the project of organization of the Slavic rebellion in the Austrian Empire, developed by B. Katalinich. The author concludes that the authors of journal publications (N.P. Glinojeky, only Russian officer, who wrote regularly about Grenz infantry and M.I. Dragmirov, who was well-known military theorist) is not considered Grenz regiments as a military settlement. They considered them as a part of the regular Austrian army and exaggerating their fighting efficiency.

Special attention is paid to the project B. Katalinich, who was a junior officer in the four armies: Austrian, Mexican, Serbian and Russian. His project of the Slavic rebellion was very unreal, but the Minister of war D. A. Milyutin, the chief of Main staff F.L. Heiden and other top Russian officials expressed interest to him. The result of the study is the conclusion that the project of B. Katalinich could have some influence on the Russian-Austrian and Russian-Croatian relations in different conditions, but was proposed too late.

Keywords: Grenz infantry, Cossacks, Military settlement, the Austrian Empire, N.P. Glinojeky, B. Katalinich.

Вероятно, самым влиятельным критиком военно-поселенной системы в Российской империи начала 1860 гг. был лично военный министр, Д.А. Милютин. К сожалению, наиболее развернуто свою точку зрения по этому вопросу он изложил еще в бытность поручиком, в 1830 гг., однако данный текст настолько показателен, что мы позволим себе обширную выписку из него. Д.А. Милютин тогда писал: «Всеми известны невыгоды всякого вооруженного населения. Везде, где подобные учреждения существовали, они были вынуждены крайней необходимостью, и терпелись как зло, но зло неизбежное, отвращающее, может быть, гораздо большее зло. Однако ж всякое правительство старается, по мере возможности, уменьшить этот разряд населения, и там, где исчезнет цель, с которою оно было некогда учреждено, должно всеми силами стараться подводить его под общие государственные установления. <...>. Всякие иррегулярные поселенные войска тогда только хороши, полезны для государства и страшны для неприятеля, пока они находятся вблизи от

сего последнего; они образуются опытностью, и без войны не могут быть никакими средствами поддерживаемы, как войска регулярные» [1].

Судя по всему, к началу интересующего нас периода военный министр несколько умерил свой радикализм, но в целом продолжал придерживаться прежнего мнения. В 1862 г. он в Высочайшем докладе выражал сомнения в том, насколько казачьи части в военном отношении оправдывают финансовые затраты на них, и призывал рассматривать казачьи войска не как «военные лагеря», но как части государства, «имеющие полное право пользоваться плодами гражданского и экономического развития наравне с другими частями Империи» [2]. Любопытно отметить сходство позиции российского военного министра и анонимных австрийских парламентариев, которые, по сведениям Ф.Ф. Торнау, так же настаивали на равенстве политических прав Военной Границы с другими австрийскими территориями, и требовали соответствующих преобразований [3]. Высказывалось в Австрии и сомнение в том, насколько уместно существование Военной Границы вдали от неприятеля. В достаточно подробных материалах иностранного обозрения «Русского инвалида» нашла отражение точка зрения Й.Ю. Штроссмайера, считавшего, что было бы «приличнее» учредить новую Военную Границу на рубежах с враждебными Австрии Италией или Россией, чем сохранять подобное учреждение возле давно ослабевшей и вполне безопасной Турции [4].

Итак, в 1860 гг. российская военная элита достаточно критично смотрела на сам институт иррегулярных войск. О неустранимых проблемах их организации писали Д.А. Милютин и Н.И. Краснов, а Ф.Ф. Торнау и донские «прогрессисты», не рассматривая поселенные войска в целом, пришли к схожим выводам о Военной Границе и в Донском войске. По мнению этих авторов, важнейшей, если не неизбежной проблемой военных поселенцев в современном государстве являлось несовершенство их гражданских институций и законоположений, не дающее в полной мере развиваться местной экономике и ограничивающее политические права военных областей по сравнению с прочими провинциями. Следовательно, первоочередной задачей государства было обеспечение политического и экономического развития поселенных войск до уровня сопредельных территорий, а чисто военные вопросы до выполнения этой задачи должны были отойти на второй план. Доказательством господства подобной точки зрения в России служит характерный для этого десятилетия правительственный курс на «развитие гражданственности» в казачьих войсках [5]. Поскольку австрийское правительство, судя по всему, придерживалось схожих взглядов [6], а граничары являлись крупнейшим в Европе поселенным войском после казаков, можно было ожидать, что опыт реформ Военной Границы вызовет в России определенный интерес. Однако, как мы писали в первой части своей статьи, доклад Н.И. Краснова с его прямым и развернутым сопоставлением казаков и граничар так и остался уникальным явлением в отечественной военной литературе. Почему же так произошло? Почему австрийский опыт реформы военных поселений не вызвал особого интереса ни у правительства, ни в офицерской среде?

Чтобы получить ответ на этот вопрос, а также понять, каким вообще было представление о Военной Границе среди российских военных, мы обратились к отечественной печати 1860 гг. Только один из ее авторов регулярно писал о граничарах. Это был Н.П. Глиноецкий, иностранный обозреватель «Военного сборника» с 1859 г. до 1873 г. Уже в своих ранних статьях о австро-франко-итальянской войне 1859 г. он неоднократно упоминал о пограничных частях, указывал их численность и даже отметил шести ротную организацию батальонов [7]. Однако русский офицер нигде специально не останавливался на отличиях полков с Военной Границы от австрийской регулярной армии, и, тем более, на экономических и политических проблемах данного региона. И в дальнейшем он продолжал следовать подобному подходу. Например, в своей статье, посвященной преобразованиям австрийской армии после поражения в австро-прусской войне 1866 г., Н.П. Глиноецкий только вскользь упомянул о том, что реформа организации граничар была связана с желанием облегчить положение «крайне обремененных военной службой местностей», после чего сразу перешел к подробному описанию особой батальонной структуры пограничных полков [8].

Схожей позиции придерживался и М.И. Драгомиров, который, подобно Ф.Ф. Торнау, наблюдал австро-франко-итальянскую и австро-прусскую войны в качестве российского

военного агента [9], причем фиксируя свои наблюдения не только в отчетах Военному Министерству, но и в печати. В книге о битве при Сольферино он вообще анализировал австрийскую армию в целом, включая граничар, выделяя ее общие достоинства и недостатки и не останавливаясь на специфике отдельных частей [10]. В цикле статей о австро-прусской войне 1866 г. М.И. Драгомиров кратко сообщил о особом положении Военной Границы, однако при его характеристике ограничился указаниями на то, что граничары служат поголовно, получают за службу землю и имеют национальный офицерский корпус [11]. Вопрос о том, насколько эффективна была такая система службы, генералом не поднимался в принципе, а в дальнейшем тексте статей он рассматривал пограничные полки наравне с линейными.

Мы видим, что важнейшие российские военные авторы 1860 гг., занимавшиеся обзором иностранных вооруженных сил, рассматривали граничар как часть австрийской регулярной армии, пускай и со специфической системой комплектования. В качестве поселенного войска Военная Граница ими не изучалась, и возможная параллель между ней и российским казачеством полностью ускользнула от внимания русской военной прессы. А поскольку австрийская военная наука считалась крайне отсталой, и Н.П. Глиноецкий даже писал, что ни одна военная идея, исходившая из Австрии, не оказалась прочной и полезной, уникальная система организации Военной Границы не вызывала особого интереса ни в российской офицерской среде, ни в Военном Министерстве [12]. В результате на страницах «Военного сборника» и «Русского инвалида» публиковались материалы о пограничных полках, но тематика Военной Границы как целостной институции в этих изданиях не поднималась.

В рамках темы нашего исследования представляется очень важным, что в работах Н.П. Глиноецкого и М.И. Драгомирова не нашло отражения падение боеспособности граничар, вскрывшееся в ходе австро-франко-итальянской войны. Напротив, Н.П. Глиноецкий продолжал считать «кroatскую пехоту» (судя по контексту, именно части, выставляемые с Военной Границы) одним из козырей австрийской армии [13]. Он отмечал зависимость качества подразделений габсбургских вооруженных сил от национальности служивших в них солдат, однако ниже всего ставил итальянцев и венгров, ни разу не упомянув в подобном контексте пограничные полки [14]. В трудах М.И. Драгомирова мы вообще не обнаружили какой-либо отдельной оценки граничар, боеспособность которых, судя по всему, принималась генералом примерно равной остальной австрийской пехоте.

Причины подобной не информированности заслуживают отдельного анализа. Прежде всего, в российской военной периодике 1860 гг. не было авторов, специально занимавшихся Австрийской империей. Даже постоянно писавший о ней Н.П. Глиноецкий был универсальным иностранным обозревателем, рассматривавшим военно-морские и военно-финансовые вопросы во всех европейских и важнейших неевропейских странах, что не могло не сказываться на качестве и глубине его статей. При этом основные научные интересы русского офицера лежали в области изучения истории российского генерального штаба [15-16]. Личные наблюдения М.И. Драгомирова, сделанные в ходе австро-франко-итальянской и австро-прусской войн, были недостаточны для оценки боеспособности граничар, поскольку он находился при войсках противников Австрийской империи [17]. Безусловно, если бы именно с граничарами было связано какое-то громкое поражение, если бы падение их боеспособности носило катастрофический характер, русскому генералу стало бы известно об этом. Однако он не видел австрийскую армию изнутри, и не мог знать, что офицерам трудно сохранить порядок пограничных полков под огнем [18], а их солдаты не отличаются высоким боевым духом [19]. Ситуацию могли бы исправить переводы новейшей австрийской военной литературы, однако с ними дело обстояло крайне неблагоприятно. Обратившись к систематическому указателю к «Военному сборнику», мы обнаружили, что на его страницах была представлена информация о итальянских и даже французских работах о австро-прусской и австро-итальянской войнах 1866 г., а вот австрийские труды не попали даже в библиографическое обозрение [20]. Впрочем, вину за это не следовало возлагать на российскую сторону: Н.П. Глиноецкий, составивший в конце 1866 г. обзор иностранных сочинений о этих вооруженных конфликтах, с сожалением констатировал, что если прусскими офицерами уже в первые несколько месяцев после заключения мира был выпущен целый ряд работ, в том числе и полноценных монографий, в которых по горячим

следам анализировались различные аспекты боевых действий, то в Вене опубликовали только сборник реляций из официальных газет, не представляющий какого-либо интереса [21]. Ситуация с военными писателями и особенно военными историками в габсбургской монархии была настолько плачевной, что к 1866 г. в австрийской печати не была серьезно разработана даже тема австро-франко-итальянской войны [22].

В результате традиционно высокая оценка граничар в российской военной литературе сомнению не подвергалась, тем более, что работы, укрепляющие российских офицеров в подобном мнении, в предшествующее десятилетие несколько раз издавались Военным Министерством. Только в 1852 г. было выпущено официозное «Прибавление к военному энциклопедическому лексикону», содержащее подробные описания ряда европейских войн, связанных с революцией 1848 г. В этой книге самым высоким образом оценивалась роль Военной Границы в защите габсбургской монархии, и отмечалось, что даже после посылки в итальянскую армию двух батальонов от каждого пограничного полка местным властям удалось мобилизовать еще 50 000 солдат благодаря «пламенному энтузиазму славянских племен» [23]. В 1859 г., накануне битвы при Сольферино, на страницах «Военного сборника» была опубликована статья Ю. Виккеде, содержащая весьма благоприятный отзыв о граничарах. Редакционное предисловие к данному тексту рекомендовало его как крайне надежный источник по современному состоянию австрийской армии [24].

У отечественных военных обозревателей наиболее устойчивый интерес вызывали две темы, связанные с граничарами. Как мы показали в первой части нашей статьи, русско-австрийские отношения в 1860 гг. были далеки от идеала, и армия Австрийской империи оставалась потенциальным противником российских войск. Любопытно отметить, что в 1870 г. даже была переведена австрийская брошюра о гипотетической австро-русской войне, ставшая редким примером австрийской военной литературы на страницах «Военного сборника» [25]. В этих условиях отечественных авторов интересовала в первую очередь численность пограничных полков, тот ресурс, который они могли дать Австрийской империи. Но без учета специфики их организации цифры, встречавшиеся на страницах военной периодики, часто были далеки от действительности. Так, М.И. Драгомиров считал, что Военная граница способна выставить не более 42 000 солдат [26], а в «Русском инвалиде» вообще указывалось, что в действующую армию можно направить 25 000 граничар, поскольку остальные нужны для внутренней службы [27]. У Н.П. Глиноецкого, по-видимому, просто списывавшего информацию из различных иностранных источников, цифры резко разнятся от статьи к статье, достигая максимума в 72 000 граничар [28] и падая до минимума в 37 320 строевых солдат и 6 431 резервистов [29]. На практике в 1848 г., когда в пограничные полки было мобилизовано все мужское население, их численность превысила 100 000 человек [30], да и в 1864 г. штатное расписание всех частей, выставляемых Военной Границей, простиралась до 72 793 военнослужащих [31]. Причины подобной ошибки лежали на поверхности: российские авторы в своих расчетах обычно исходили из числа батальонов австрийской армии, не зная о существовании особой категории граничар, «общего резерва», не сводившегося в эти батальоны [32].

Несмотря на подобные неточности, интерес российских авторов к людскому потенциалу Военной Границы был достаточно детальным. Даже изменения штата отдельных пограничных полков подробно разбирались на страницах «Военного сборника» после каждой значительной реформы. Например, в обзоре преобразований австрийской армии в 1867 г. Н.П. Глиноецкий приводил новые штаты не только пограничного полка, но и каждой его составляющей: штаба, батальонов и запасных рот. Его статья содержит любопытные и нигде более не встречавшиеся нам сведения о формировании в каждом полку особой кавалерийской команды, специально предназначенной для быстрой передачи сообщений [33]. Правда, и тут недостаточная информированность сыграла с русским офицером злую шутку: на практике штат пограничных полков мог далеко не соответствовать численности военного времени. На Военной Границе полк был в первую очередь территориально-административной единицей, и в его списки включались все способные носить оружие мужчины, проживающие на соответствующей территории. Поэтому в случае войны людские ресурсы каждого полка зависели от его населения, а не формальных штатов (на смену уходящим на фронт строевым батальонам призывались батальоны запасные, а из «общего резерва» тем временем формировались новые запасные

батальоны, и так могло продолжаться, теоретически, до мобилизации последнего способного держать оружие мужчины) [34]. Впрочем, Н.П. Глиноецкий кратко упомянул о том, что на Военной Границе возможно формирование в случае войны новых запасных частей [35], однако при расчете общей численности австрийской армии не учел этой возможности, ограничив количество солдат пограничных полков строевыми подразделениями и запасом мирного времени [36].

Поскольку данные русских офицеров о общей численности граничар не выдерживают никакой критики, а сообщаемые ими сведения о штате отдельных пограничных полков носят узкоспециальный характер, более любопытной нам представляется вторая актуальнейшая для российской военной печати 1860 гг. тема, неразрывно связанная с Военной Границей. Речь идет о военном бюджете Австрийской империи, почти ежегодно вызывавшем бурные споры. Финансовое благополучие габсбургской монархии было далеко от идеала, и рейхсрат видел выход из сложившейся ситуации в уменьшении трат на армию. Правительство в принципе было согласно с подобным решением, и еще до австро-прусской войны обещало начать сокращение вооруженных сил в ближайшем будущем [37]. Поражение в этой войне, военные расходы и потеря богатой Венеции только ухудшили ситуацию. По мнению российских военных обозревателей, близкой к банкротству Австро-Венгрии после 1866 г. было абсолютно необходимо стабилизировать бюджет, добиться равенства доходов и расходов. Однако достичь этого без сокращения армии до необходимого минимума можно было только путем резкого повышения налогов, ставящего под угрозу стабильность и дееспособность государства [38]. С другой стороны, проигрыш двух крупных войн за десятилетие неизбежно инициировал серию военных реформ, которые приходилось проводить в условиях крайне ограниченного военного бюджета, в ряде случаев жертвуя боеспособностью вооруженных сил ради экономии [39].

В отечественной историографии не рассматривался вопрос о финансовых предпосылках ликвидации Военной Границы. Между тем публикации в российской военной прессе свидетельствуют о их существовании. В 1864 г. на содержание пограничных полков было выделено, по сведениям Ф.Ф. Торнау, 4 696 000 гульденов [40]. Н.П. Глиноецкий для 1865 г. обозначает схожие цифры: 4 210 596 гульденов на собственно расходы Военной Границы и 114 372 гульденов на уплату процентов по ее долгам [41]. Австрийскими авторами так же указывалось, что в первой половине 1860 гг. пограничные полки требовали от австрийской казны около 4 500 000 гульденов ежегодно [42]. Может показаться, что эта сумма составляла ничтожную часть общего австрийского военного бюджета, простиравшегося в 1865 г. до 105 767 772 гульденов [43] (рекордных размеров он достигал в 1863 г., когда превышал 135 000 000 гульденов) [44]. Однако после 1866 г. военный бюджет был резко сокращен: в 1867-1870 гг. он колебался около 80 000 000 гульденов, причем сильнее всего были урезаны именно траты на Военную Границу, упавшие до 1 000 000 гульденов [45-47]. Рейхсрат не был вполне удовлетворен даже таким положением: в 1868 г. он требовал дополнительного сокращения расходов на вооруженные силы до 63 000 000 гульденов, и правительству едва удалось отстоять первоначальные цифры [48]. В дальнейшем общая сумма военных трат Австро-Венгрии снова начала расти из-за нового увеличения численности армии, что вызвало недовольство рейхсрата [49], однако расходы на граничар продолжали падать, и именно ими парламентарии жертвовали в первую очередь: например, в 1872 г. военный министр Ф. Кун фон Куненфельд просил у них выделить на содержание пограничных полков всего 470 383 гульдена, однако по итогам обсуждения данную статью вовсе не включили в военный бюджет [50]. Напомним, что о грядущей демилитаризации даже не всей Военной Границы, а двух ее полков было объявлено только в 1869 г. [51], а реально данный процесс был начат в 1871 г. [52]. Таким образом, в 1867-1870 гг. Военной Границе, сохраняющей, в целом, прежнюю организацию, приходилось выживать при сокращении выделяемых средств в четыре раза, а как только началось расформирование пограничных полков, рейхсрат вообще перестал выделять им финансирование из государственной казны.

Впрочем, после 1866 г. некоторые военные расходы не учитывались в австрийском военном бюджете. Суммы, выделяемые сверх него, могли быть достаточно значительны, в определенной степени компенсируя сокращение обычных военных трат. Однако пограничные полки не участвовали в распределении экстраординарного военного

финансирования даже в 1868 г., когда оно достигло максимума в 30 686 000 гульденов [53]. Только после 1872 г., когда в военном бюджете вообще не осталось обычных расходов на граничар, военному министерству было разрешено включать затраты на них в число экстраординарных расходов, но с условием, что эти средства будут изыматься из доходов самой Военной Границы [54].

Итак, после австро-прусской войны 1866 г. Австро-Венгрии приходилось выживать в условиях жесточайшей экономии бюджета и борьбы рейхсрата с правительством за сокращение вооруженных сил. В такой ситуации значение потенциального роста налогов с демилитаризованных территорий Военной Границы еще более возросло, а вот многочисленные, но не вполне надежные и боеспособные граничары представляли собой крайне сомнительную ценность. Положение могла изменить удачная реформа пограничных полков, однако ее проведение было затруднено как раз из-за бюджетной экономии. Судя по опыту донского казачества, подобные преобразования потребовали бы весьма существенных расходов [55]. Но в Австро-Венгрии, где военный бюджет утверждался парламентом, пытающимся максимального его сократить, ассигнование крупных сумм на реформу пограничных полков было бы возможно только за счет уменьшения других затрат на вооруженные силы, а противники таких ассигнований нашли бы поддержку у представителей Военной Границы и Хорватии в выборных органах [56]. Австрийское военное министерство, очевидно, понимало это, и еще в 1866 г. приняло решение не жертвовать интересами регулярной армии ради Военной Границы. Как мы помним, уже в военном бюджете на 1867 г. оно вчетверо сократило выделяемое пограничным полкам содержание, чтобы сохранить в рамках урезанного военного бюджета финансирование регулярных частей на приемлемом уровне. Таким образом, целый ряд финансовых факторов подталкивал Вену к ликвидации Военной Границы и затруднял ее модернизацию с сохранением исторически сложившейся системы службы.

Наше представление об отношении российских военных к Военной Границе будет не полным, если мы не затронем темы о потенциальном использовании пограничных полков в интересах России. Статьи об этом не печатались в военной периодике, честный и симпатизирующий австрийским властям Ф.Ф. Торнау не рассматривал подобную возможность в своих отчетах. Зато соответствующий проект лег в конце 1860 гг. на стол Д.А. Милютина, и вызвал определенный интерес не только у него, но и у других высших чиновников Российской империи. Об этом проекте было известно еще в советский период [57], затрагивался он и в относительно недавних публикациях [58], но сколько-либо подробного его анализа в отечественной историографии не существует. Между тем его создатель, Б. Каталинич, не просто сообщил Военному Министерству информацию о потенциальной возможности привлечь пограничные полки на российскую службу, но пытался активно навязывать своим высокопоставленным читателям определенную точку зрения на граничар, чтобы спровоцировать Россию прямо вмешаться во внутренние дела Австро-Венгрии. Это резко отличает его тексты от чисто информационных (по крайней мере, в той части, что касалась Военной Границы) работ Ф.Ф. Торнау, Н.И. Краснова, Н.П. Глиноецкого и М.И. Драгомирова. Учитывая так же фактографическую ценность некоторых сообщаемых Б. Каталиничем сведений, мы подробно проанализируем его проект в этой и следующей частях нашей статьи.

Уже послушной список Боголюба Каталинича свидетельствует о том, что мы имеем дело с весьма неординарной личностью. Он успел послужить в армиях четырех стран, расположенных в обоих полушариях: в австрийской, в мексиканской, в сербской и в российской. Автор единственной биографической статьи о авторе проекта перехода пограничных полков на русскую службу, М.В. Нигалатий, рисует его убежденным сторонником славянского движения, принципиальным и последовательным человеком. Мы позволим себе усомниться в точности подобного портрета. Что забыл борец за свободу южных славян на противоположной стороне глобуса, в Мексике, где он защищал от республиканцев недолговечную империю Максимилиана Габсбурга? В 1864 г. Б. Каталинич добровольно оставил службу в граничарском полку ради зачисления в так называемый «австрийский корпус» Мексиканской империи [59]. В отечественной историографии данное формирование описывается как сборище «наемников и авантюристов» из разных европейских стран, привлеченных высокими окладами и шансом занять важные посты в

раздираемом гражданской войной и интервенцией государстве [60]. Кроме того, сама «Мексиканская империя» представляла собой фактически ширму для французского оккупационного режима, была попыткой придать ему какую-то легитимность [61]. Симпатии европейских деятелей революционного направления, от В. Гюго до Дж. Гарибальди, принадлежали ее врагам, войскам президента Б. Хуареса [62]. Безусловно, люди совершают неожиданные поступки, но трудно представить себе убежденного борца за свободу одного народа добровольно сражающимся в армии брата его главного угнетателя за порабощение другого.

Да и России Б. Каталинич отнюдь не хотел служить из одних идейных соображений. Он многократно жаловался на недостаточное жалование и просил о повышении, не стесняясь обращаться лично к Д.А. Милютину. Более того, в своих прошениях он скрывал службу в Сербии, идя на прямой подлог: хотя австрийская пенсия и чины были потеряны им при переходе в сербскую армию, Б. Каталинич утверждал, что это произошло из-за его идейного решения служить России, и требовал компенсации [63]. Наконец, организацию славянского восстания в Австро-Венгрии бывший офицер-граничар увязывал с выделением своим агентам крупных сумм денег, а себя лично подпоручик (мы считаем нужным подчеркнуть его воинское звание) видел одним из ключевых лиц грядущей революции [64].

На наш взгляд, в характере Б. Каталинича доминировала авантюристическая жилка, заставлявшая его раз за разом вступать в разного рода сомнительные предприятия. В 1868 г. он только перешел на службу в сербскую армию и получил должность при Военном Министерстве, однако при первом же намеке на возможность добиться большего сорвался с места. Через российского офицера, проводившего топографические работы на Балканах, ему удалось передать русскому послу в Константинополе, Н.П. Игнатьеву, свои записки о возможности общеславянского восстания против Габсбургов. В них Б. Каталинич рисовал только что реформированную двуединую монархию крайне непрочной и готовой развалиться на союзные России государства [65]. Подобные взгляды пользовались популярностью среди отечественных панславистов. Их придерживался, в частности, В.П. Балабин, после австро-франко-итальянской войны вообще докладывавший Александру II, что Австрии остались считанные месяцы [66].

Н.П. Игнатьев вполне сочувствовал идее развала государств, проводящих самостоятельную, часто недружественную Российской империи политику, с дальнейшим созданием на их территориях пророссийских славянских стран. Целью своей деятельности в качестве посла в Константинополе он видел не улучшение отношений с Турцией, но ее разрушение [67]. Русский дипломат был не чужд и авантюристической жилки, присущей Б. Каталиничу: он откровенно сотрудничал с разного рода сомнительными личностями, включая политических интриганов и шпионов [68]. Записки Б. Каталинича, в которых предлагалось использовать Военную Границу как главную силу грядущего славянского восстания, были восприняты Н.П. Игнатьевым более чем благосклонно, и он не только помог бывшему граничару перейти на службу в русскую армию, но и, очевидно, обеспечил ему доступ к другим высокопоставленным чиновникам [69]. Наверное, тогда Б. Каталиничу казалось, что он вплотную приблизился к реализации хотя бы некоторых своих идей: к его запискам, помимо русского посла в Константинополе, проявляли интерес начальник Главного штаба Ф.Л. Гейден, директор Азиатского департамента министерства иностранных дел П.Н. Стремоухов, и даже лично Д.А. Милютин [70].

Б. Каталинич много лет служил в пограничных полках, и его информированность о деталях службы граничар и о ситуации на Военной Границе невозможно сравнить со статьями русских военных обозревателей и даже с отчетами Ф.Ф. Торнау. Однако, учитывая неоднократные подлоги бывшего австрийского офицера при попытках получить продвижение по службе, безоговорочно верить всем сообщаемым им фактам не следует. На недостоверность некоторых мест в записках граничара указывали уже наиболее проницательные из его высокопоставленных читателей: П.Н. Стремоухов, признавая интерес сведений, сообщенных Б. Каталиничем о положении дел в Сербии, считал многие его утверждения ложными и потому не имеющими политического значения [71]. Даже советские публикаторы одной из записок Б. Каталинича, явно симпатизирующее бывшему австрийскому офицеру, были вынуждены признать, что его сообщения о Хорватии и Военной Границе «отличаются неопределенностью и, может быть, в большей степени

отражают мнение автора, чем действительные настроения южных славян» [72]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что уже первая записка Б. Каталинича, с которой он обратился к Н.П. Игнатьеву, «О военно-политическом значении Военной Границы в Австрии», содержит несколько крайне сомнительных, но принципиальных для автора тезисов.

Прежде всего, бывший австрийский офицер считал, что венские власти никогда не пойдут на упразднение пограничных полков. Он признавал, подтверждая отчет Ф.Ф. Торнау, что после австро-франко-итальянской войны имперские чиновники рассматривали подобный вариант действий, однако отрицал возможность его воплощения в жизнь [73]. Вообще, в интерпретации Б. Каталинича австрийское правительство не только нимало не заботилось о граничарах, но и выглядело состоящим из откровенно неадекватных людей, которые прекрасно осознавали опасность восстания на Военной Границе и считали пограничные части утратившими всякую боеспособность, но боялись приступить к процессу их демилитаризации из страха перед беспорядками [74]. О невозможности демилитаризации бывший австрийский офицер писал даже тогда, когда она уже началась: в авторизированном и дополненном автором переводе его текста на русский, сделанном в 1869 г., упоминается о подготовке к расформированию двух граничарских полков. Едва ли Б. Каталинич не понимал, что этим событием был запущен процесс перевода Военной Границы на гражданское положение, скорее он сознательно игнорировал неудобные факты. Об этом свидетельствует откровенная ложь в других местах его записки, в которой военная история пограничных частей после 1848 г. излагалась совершенно превратно. Странности начинались с описания сражения под Сольферино: якобы, в его ходе именно граничары должны были нанести основной удар по французским позициям, а возглавить эту атаку предполагал лично Франц Иосиф. Но даже пламенная речь императора не заставила солдат тронуться с места, и поражение в сражении, а потом и в войне, многие в австрийской армии приписали трусости уроженцев Военной Границы. В интерпретации Б. Каталинича ненависть к граничарам распространилась настолько, что Л.А. Бенедек, командующий Северной армией в ходе австро-прусской войны 1866 г., сказал в ответ на предложение императора передать под его командование несколько пограничных полков: «Мне не нужны, Ваше Величество, эти трусливые собаки-граничары, пусть остаются в своих норах». Эта ненависть и равнодушие венских властей к интересам Военной Границы дошли до того, что в 1866 г. она была оставлена беззащитной перед итальянским десантом, и только личная инициатива и смелость В. фон Тегетгоффа, руководившего австрийским флотом, спасла дома и семьи граничар [75].

Все эти яркие, достойные приключенческого романа события и фразы исторических деятелей, судя по всему, были плодами богатого воображения Б. Каталинича. В подробной монографии М.И. Драгомирова о сражении при Сольферино не содержится никаких упоминаний о попытке провести какую-либо значимую атаку силами одних граничар, тем более, под руководством самого императора. Ничем не подтверждается и высказывание Л.А. Бенедека, а в состав его армии входил один пограничный полк (остальные, по географическому принципу, использовались в это время на более близком к Хорватии итальянском театре военных действий) [76]. Наконец, именно друг Ф.Ф. Торнау, К. Моринг, разработал план защиты южнославянских владений Габсбургов от итальянского десанта [77]. На наш взгляд, Б. Каталинич совершенно сознательно искажал информацию, живописуя взаимную ненависть венского правительства и граничар после 1859 г.

Цель этой лжи лежала на поверхности: бывший австрийский офицер пытался внушить российским чиновникам, что в их распоряжении легко могут оказаться крупные военные силы, готовые поднять восстание против недружественных России Габсбургов. Неуспехи пограничных полков он отказывался связывать с их организационными проблемами или плохим обучением: все поражения последних лет в его тексте объявлялись следствием нежелания граничар служить Австрийской империи. Соответственно, в более «искусных руках» Военная Граница все еще была бы «грозным оружием» [78]. Так почему бы тогда ей не послужить другой империи, славянской и более щедрой? Дело оставалось за малым. За суммой в размере 6 603 322 рублей ежегодно (впрочем, Б. Каталинич отмечал, что могут понадобиться и дополнительные выплаты), которая пойдет на содержание пограничных полков во время их войны с Австрией. Ненавидящие Вену после событий 1866 г. граничары, якобы, были уже готовы восстать [79]. Чтобы понять порядок денежных расходов, о которых

шла речь, укажем, что частично мобилизованное Донское казачье войско во время подавления Польского восстания обходилось казне, по расчетам Н.И. Краснова, приблизительно вдвое дешевле [80]. Приведенные нами выше данные по австрийскому военному бюджету касаются исключительно мирного времени, и поэтому не могут быть прямо сопоставлены с цифрами из проекта Б. Каталинича. Тем не менее, отметим, что австрийский гульден стоил 65 коп., и, следовательно, расходы на Военную Границу в мирное время до 1865 г. составляли около 3 000 000 рублей [81].

Таким образом, записка «О военно-политическом значении Военной Границы в Австрии» основывалась на трех крайне сомнительных тезисах: о том, что австрийские власти не рискнут начать демилитаризацию пограничных полков, о том, что последние в полной мере сохранили свое военное значение, и о том, что их неудачи в последних войнах связаны с осознанным желанием не служить Габсбургам. Хотя никто из высокопоставленных читателей записки не спорил с этими тезисами, реакция российских чиновников, вероятно, несколько разочаровала бывшего граничара: хотя Н.П. Игнатьев и Ф.Л. Гейден весьма лестно отозвались о тексте Б. Каталинича, до 1871 г. он не был даже передан из Военного Министерства в министерство иностранных дел, возможно из-за огромных финансовых вложений, предполагавшихся при реализации изложенного в нем проекта [82].

Во всяком случае, после года службы в российской армии и новой поездки на Военную Границу Б. Каталинич умерил свои аппетиты. Здесь следует отметить, что пока он готовил свой план общеславянского восстания и пытался заручиться поддержкой в Сербии и в России, в Хорватии произошли серьезные перемены. После дуалистического компромисса 1867 г. все население Венгрии, в том числе и хорватское, было объявлено в политическом отношении «неделимой единой венгерской нацией». В 1866-1867 гг. многие авторитетные фигуры хорватской политики опасались подобного развития событий и на всякий случай сотрудничали с сербским правительством, зондируя возможность совместных действий в рамках общеславянского движения на Балканах. Они даже способствовали переходу офицеров-граничар на службу в сербскую армию, но, судя по всему, не для восстания против Габсбургов, а для освобождения Боснии от Османской империи [83]. Однако эти контакты прервались со смертью сербского князя Михаила III в 1868 г. [84]. При этом уже на саборе 1866 г. большая часть ораторов, включая Й.Ю. Штроссмайера, крупнейшего хорватского политика, соглашалась признать верховенство венгерской короны, но при условии, что автономия Хорватии будет гарантирована, а Военная Граница демилитаризована и передана в ведение хорватского бана, как и Далмация [85]. Более того, именно Й.Ю. Штроссмайер, чьи связи с Сербией В.И. Фрейдзон характеризует как наиболее тесные [86], выражал надежду, что хорватскому и венгерскому народам удастся договориться на основании взаимного уважения интересов [87].

Б. Каталинич перешел на сербскую службу 2 февраля 1868 г., когда ситуация вокруг статуса Хорватии в составе двуединой монархии была далека от разрешения. Договор между сабором и венгерским правительством был подписан только в сентябре того же года, причем Будапешт был вынужден сделать ряд существенных уступок, в том числе согласиться на присоединение к Хорватии Военной Границы и Далмации, признать официальный статус хорватского языка и гарантировать местную административную, юридическую, церковную и школьную автономию. Хотя часть хорватских политиков первоначально рассчитывала на большее, хорваты в результате данного соглашения все же получили права, которых не имел больше ни один славянский народ в империи [88]. Любопытно, что, по сведениям А.М. Дронова, в 1867 г. первый премьер-министр дуалистической Венгрии, Д. Андраши, уже уступил требованиям австрийских военных сохранить институт пограничных полков, однако затем резко изменил свою позицию [89], что, на наш взгляд, вполне логично связать как раз с необходимостью выполнять свои обязательства перед хорватским сабором. Зато подписание этого договора неоднозначно сказалось на сербско-хорватских отношениях, и, соответственно, на югославистской идее: в частности, на Военной Границе обострился языковой вопрос. Если раньше ее основным языком считался немецкий, а хорватский и сербский были в целом равноправными местными языками, то в 1869 г. сабор подтвердил государственный статус хорватского языка и заранее объявил, что этот статус будет распространен на переданные в будущем под власть бана территории пограничных полков,

в том числе и те, где преобладает сербское население [90]. При всем своем несовершенстве, венгеро-хорватский договор 1868 г. удовлетворил минимальные требования хорватской политической элиты и обеспечил относительно спокойное включение Хорватии в состав Венгерского королевства двуединой Австро-Венгрии.

Однако Б. Каталинич не желал признавать этого. По итогам своей поездки на Военную Границу он подготовил новую записку, в которой писал, что существование Хорватии внутри Венгерского королевства невозможно, и восстание готовы поддержать теперь не только граничары, но и линейные полки из южных славян. Мятеж, якобы, уже был готов разразиться: если бы Австро-Венгрия вмешалась в франко-прусскую войну 1870-1871 гг., отмобилизованные пограничные полки под руководством «одного генерала» восстали бы сразу после соединения в единую армию для выступления с Военной Границы [91]. Следует отметить, что Б. Каталинич редко упоминал конкретные фамилии, когда речь шла о реализации его планов. Это еще раз заставляет усомниться в достоверности тех его утверждений, которые не подтверждаются другими источниками. Та картина готовности всей Хорватии к антигабсбургскому выступлению, которую он обрисовал, полностью противоречит ходу событий вокруг реального восстания на Военной Границе в 1871 г. Его лидер, хорватский радикал Э. Кватерник, подобно Б. Каталиничу, искал поддержки за рубежом, но, так и не найдя ее, был вынужден действовать самостоятельно. При этом он скрывал свои намерения даже от многих товарищей по Хорватской партии права, не говоря уже о сколько-либо высокопоставленных офицерах-граничарах, не надеясь на их поддержку. И действительно, после подавления мятежа, в котором участвовало всего около ста граничар, его действия были осуждены другими представителями радикальной оппозиции: например, А. Старчевич, друг Э. Кватерника, призвал своих сторонников не поднимать подобных безнадежных восстаний, вместо этого «досаждая своим угнетателям» иными методами [92].

Впрочем, это место было далеко не самым странным в тексте Б. Каталинича. С бывшим граничаром, якобы, связались некие, опять анонимные, деятели «национальной партии», просящие у российского правительства 100 000 рублей. За счет этих денег предполагалось обеспечить победу нужных лиц на грядущих выборах в сабор, после чего власть над Хорватией оказалась бы в руках пророссийских сил. Эта гипотетическая победа открывала перед Россией самые захватывающие перспективы: новое хорватское правительство отказалось бы от демилитаризации Военной Границы, соединило ее силы с ландвером, и в любой момент могло бы выступить против Вены. Таким образом, потенциальная главная сила общеславянского восстания стоила бы уже не 6 603 322 рубля, а 100 000 рублей, по крайней мере в первое время [93]!

Национально-либеральная партия в Хорватии действительно существовала, а ее лидером в указанный период был Й.Ю. Штроссмайер, который, несмотря на высокий пост в католической церкви, симпатизировал сербам и русским. В 1888 г. он даже отправил поздравление в Киев в честь юбилея крещения Руси, что вызвало крайнее неудовольствие Франца Иосифа [94]. Однако выше мы неоднократно ссылались на выступления Й.Ю. Штроссмайера в хорватском саборе, однозначно призывающие к немедленной демилитаризации Военной Границы. Кроме того, хотя Национально-либеральная партия в принципе и выступала за политическую независимость Хорватии [95], в начале 1870 гг. она сконцентрировала свое внимание на достижении более реальных целей, в первую очередь стремясь к финансовой автономии королевства [96]. Да и вся ситуация, обрисованная Б. Каталиничем (уважаемые хорватские политики, представители крупнейшей партии, руководимой местным епископом, просят 100 000 рублей у русского подпоручика, приехавшего в отпуск), выглядит со стороны весьма забавно.

Или все-таки не совсем? Если бывший австрийский офицер искажал факты, лгал и недоговаривал в своих записках для русских чиновников, разве он не мог вводить в заблуждение по поводу своего статуса и целей поездки на Балканы и хорватских политических деятелей? До 1870 г., пока российское посольство в Вене было настроено антигабсбургски, состоявший при нем священник служил посредником между отечественными и австрийскими панславистскими кружками [97]. Друг бывшего русского посла, Э. Кватерник, действительно поднявший восстание на Военной Границе в 1871 г., до этого активно искал помощи из-за рубежа, пускай и военной, а не финансовой [98]. Он не

принадлежал к Национал-либеральной партии, но Б. Каталинич мог «творчески подойти» к информации и в этом случае, хотя бы потому, что в своих предыдущих текстах он изображал потенциальным главой пророссийских сил в Хорватии именно главу этой партии Й.Ю. Штроссмайера [99]. Поэтому представляется вполне возможным, что какие-то политические деятели приняли русского офицера за правительственного агента, и прощупывали возможность налаживания связей с Российской империей. К сожалению, Б. Каталинич был заинтересован не в том, чтобы описывать подобные контакты близко к действительности, а в том, чтобы их максимально раздуть и гиперболизировать. Учитывая не публичность его деятельности, вряд ли мы узнаем, какие реальные факты стояли за просьбой 100 000 рублей для «национальной партии».

Бывший австрийский офицер просил выделить эту сумму как можно скорее, грозя очередными фантастическими картинками, которым якобы предстояло воплотиться в жизнь в случае скупости Санкт-Петербурга. По его мнению, в ближайшие годы Хорватия могла исчезнуть с карты или поднять восстание при поддержке другой великой державы, причем в этом случае новое государство, разумеется, было бы не так дружелюбно к России. По утверждению Б. Каталинича, «кροато-сербы» «чувствовали себя несчастными» из-за холодности Российской империи, в то время как многочисленные итальянские и английские правительственные агенты всячески выражали им поддержку и сочувствие их идеям [100]. И эта вторая попытка бывшего граничара воплотить свои планы в жизнь увенчалась несколько большим успехом: в 1871 г. обе записки Б. Каталинича были переданы в Азиатский департамент министерства иностранных дел. Однако панславистская политика была в большей степени инициативой отдельных, хотя и влиятельных лиц в российском правительстве, чем официальной и последовательной позицией Российской империи [101], и у главы Азиатского департамента П.Н. Стремоухова проекты разрушения Австро-Венгрии изнутри не встретили особого сочувствия [102]. Российская политика по отношению к двуединой габсбургской монархии как раз в это время претерпевала существенные изменения. В.П. Балабин давно был снят со своей должности, а в 1870 г. пост посла в Вене занял Е.П. Новиков, принципиальный противник панславизма, полагавший, что под его прикрытием славянские деятели пытаются использовать Россию в своих целях. Своей задачей он считал восстановление дружеских отношений с Австро-Венгрией, чего ему и удалось добиться, подготовив «союз трех императоров» [103]. Но Д.А. Милютин все еще связывал с персоной Б. Каталинича какие-то надежды и в том же 1871 г. удовлетворил просьбы бывшего австрийского офицера о повышении жалования и представлении его к награде. Военный министр писал, что «такой офицер может и впредь быть для нас очень полезен, если только привязать его к Русской службе выгодным для него положением» [104].

Основания для подобного отношения к бывшему граничару у Д.А. Милютина действительно были. О потенциальной опасности пограничных полков для Австрийской империи писал в «Военном сборнике», основываясь на иностранных материалах, Н.П. Глиноецкий [105], о ней по долгу службы докладывал из Вены имевший связи в австрийском генералитете Ф.Ф. Торнау [106]. Шанс использовать это недовольство в российских интересах выглядел соблазнительно, хотя различные источники оценивали его совершенно по-разному: Ф.Ф. Торнау писал о «пассивной оппозиции», представляющей опасность в неопределенном будущем [107], а Б. Каталинич утверждал, что в любой момент может разразиться граничарское восстание, поддержанное даже некоторыми генералами, в основном славянского происхождения. Военный министр вполне мог больше доверять сведениям бывшего граничарского офицера, а не откровенно проавстрийски настроенного военного агента. Впрочем, он мог руководствоваться и иной логикой: содержание одного младшего офицера, тем более, вполне справляющегося со своими основными обязанностями, было необременительно для российской казны, и был определенный смысл «привязать его к Русской службе» на всякий случай, даже если восстание на Военной Границе оценивалось в Военном Министерстве как маловероятное.

Но кто же был прав, Ф.Ф. Торнау, или Б. Каталинич? На наш взгляд, потенциальную опасность Военной Границы для Австрийской империи в 1860 гг. вообще не следует переоценивать. Мы бы хотели обратить внимание на аналогию, которая может показаться несколько искусственной, однако представляется весьма любопытной. В первой части своей

статьи мы писали, что в начале 1860 гг. в Санкт-Петербурге опасались казачьего восстания, причем его потенциальным главой в Военном Министерстве видели вполне благонадежного начальника штаба Донского войска, А.М. Дондукова-Корсакова. Разумеется, российский генерал не собирался примерять на себя роль С. Разина или Е. Пугачева, но просто сочувствовал той «казакоманской партии», которая выступала в защиту казачьих привилегий, и неоднократно пытался отстаивать ее интересы перед правительством [108]. Подобного сочувствия, в совокупности с пассивной оппозицией большинства казаков правительственным реформам, хватило для распространения в столице самых преувеличенных слухов. М.Е. Салтыков-Щедрин писал тогда: «В скором времени нельзя будет купить фунта балыка, чтобы вслед за тем не последовало обвинения в сепаратизме в пользу Земли Войска Донского» [109].

Определенная почва для аналогичных слухов существовала и в Австро-Венгрии. Далеко не все военные одобряли дуалистический компромисс, а память о хорватовенгерском противостоянии в 1848-1849 гг. оставалась совсем свежей. В 1868 г. сам генерал-инспектор австрийской армии, эрцгерцог Альбрехт, посетил могилу Й. Елачича, поднявшего тогда Военную Границу для подавления Венгерского восстания, и выразил поддержку сторонникам хорватского национального движения, выступавшим против подписания соглашения с Будапештом. Подобные действия в корне противоречили направленной на достижение национального компромисса политике венских властей, и в связи с этим уже обсуждались в отечественной историографии. В.И. Фрейдзон трактует этот поступок как попытку австрийских консерваторов использовать Военную Границу против возвышения Венгрии и заключения дуалистического компромисса [110]. А.М. Дронов, более благосклонный к эрцгерцогу, считает его сторонником создания третьей, равноправной Австрии и Венгрии южнославянской части империи на основе Хорватского королевства, причем утверждает, что эта идея пользовалась поддержкой у австрийского генералитета [111]. Поэтому нам представляется вполне вероятным, что тексты Б. Каталинича, приписывающие отдельным австрийским генералам желание взбунтовать Военную Границу, могли основываться на слухах, порожденных подобной оппозицией некоторых военных правительственной политике, если они вообще не были порождением богатой фантазии автора.

В то же время недовольство простых граничар правительственной политикой было достаточно распространено, что подтверждается и работами позднейших историков [112]. Безусловно, данный фактор способствовал распространению слухов о возможности их восстания, однако австрийским властям все же удалось избежать превращения этого недовольства в вооруженный мятеж, если не считать восстания Э. Кватерника, не получившего сколько-либо массовой поддержки [113]. Таким образом, время показало, что донесения Ф.Ф. Торнау и содержащаяся в них оценка настроений в граничарской среде были ближе к действительности, чем предположения его оппонентов. Вопреки предсказаниям В.П. Балабина и Б. Каталинича, Австрийская империя избежала распада, преобразовавшись в Австро-Венгрию, которой предстояло существовать еще полвека. Ситуация в Хорватии и на Военной Границе относительно стабилизировалась, а Россия все больше склонялась видеть в соседней империи не врага, а союзника. Поэтому надеждам, которые в 1871 г. Д.А. Милютин еще связывал с Б. Каталиничем, не суждено было осуществиться.

По мере изменения дипломатической ситуации в начале 1870 гг. политическая активность Б. Каталинича постепенно сходилась на нет. Он продолжал обращаться к своим высокопоставленным покровителям, однако просил у них уже не помощи в организации славянского восстания, но производства в очередные чины и усиленных окладов. Несмотря на неудачи, свою деятельность Б. Каталинич оценивал весьма высоко, и М.В. Нигалатий солидаризируется с ним, завершая свою статью утверждением, согласно которому бывший австрийский офицер «поистине был очень полезен для России...» [114]. Нам подобная оценка представляется несколько преувеличенной. Б. Каталинич опоздал: возможно, перейди он на русскую службу в начале 1860 гг., когда российское посольство в Вене откровенно сочувствовало панславистским идеям, а внутреннее положение Австрийской империи было менее устойчиво, какие-то элементы его проекта и могли бы быть реализованы, к добру или худу для России. Едва ли они еще больше испортили бы и без того отвратительные отношения двух империй, а определенную пользу от сотрудничества с

хорватскими политиками и офицерами-граничарами Россия могла получить. Впрочем, учитывая финансовые запросы Б. Каталинича и его небрежное отношение к фактам, полезность бывшего австрийского офицера в качестве посредника между Россией и Военной границей выглядит неочевидной. Однако в иных условиях его проект мог бы стать толчком, пробудившим у российских государственных деятелей более предметный интерес к хорватскому направлению внешней политики, которое, учитывая симпатии ряда хорватских политиков, выглядело достаточно перспективным. Но в 1870 г., в связи с потеплением русско-австрийских отношений, возможности для реализации проектов Б. Каталинича уже не было, и какой-либо пользы Российской империи они не принесли, оставшись экзотичнейшим и любопытным фактом из истории российской дипломатии.

К попытке поставить Военную Границу на службу России можно было бы относиться как к заведомо фантастическому предприятию, уместному скорее в приключенческом романе, чем в реальной жизни. Однако этому препятствует то внимание, которое уделили проекту Б. Каталинича Н.П. Игнатъев и Ф.Л. Гейден, Д.А. Милютин и П.Н. Стремоухов. Показательно уже то, что черновой план граничарского восстания, подготовленный бывшим младшим офицером австрийской армии, не имеющим очевидных связей в хорватских политических кругах и прошедшим последние годы в Мексике и Сербии, дошел до военного министра и директора Азиатского департамента министерства иностранных дел Российской империи. На наш взгляд, это свидетельствует о интересе отдельных высокопоставленных российских чиновников не только к панславизму, но и к откровенным авантюрам, что и подтверждается внешнеполитической деятельностью Н.П. Игнатъева и В.П. Балабина (напомним, что российский посол в Вене даже дружил с лидером восстания на Военной Границе, Э. Кватерником). Факт изучения российским правительством возможности использования пограничных полков как главной силы общеславянского восстания заслуживает дальнейшего изучения, представляя собой своеобразную тайную сторону российского отношения к граничарам в 1860 г.

Примечания:

1. Volvenko A.A. D.A. Milyutin and Cossacks // *Bylye Gody*, 2016, Vol. (40), Is. 2, p. 400.
2. Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860-1862. М.: Российский архив, 1999. С. 262-263.
3. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 41.
4. Иностранное известия // *Русский инвалид*. 1866. № 18-38.
5. Перетятко А.Ю. Военная организация и военное управление Области Войска Донского во второй половине XIX в. Ростов-на-Дону, СКНЦ ВШ ЮФУ, 2014. С. 91-96.
6. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 40-46.
7. Глиноецкий Н.П. Военное обозрение // *Военный сборник*. 1859. № 2. С. 288.
8. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // *Военный сборник*. 1867. №4. С. 196-197.
9. *Военная энциклопедия*. Т. 9. СПб.: тов. И.Д. Сытина, 1912. С. 203-204.
10. Драгомиров М.И. Сольферинская битва. СПб.: тип. Н. Тиблена и комп., 1861. С. 70-91.
11. Драгомиров Н.И. Австро-прусская война в 1866 г. (Статья вторая) // *Военный сборник*. 1867. №4. С. 80-81.
12. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // *Военный сборник*. 1866. № 11. С. 66.
13. Глиноецкий Н.П. Австрия, ее силы и враги // *Военный сборник*. 1866. №6. С. 290.
14. Глиноецкий Н.П. Военное обозрение // *Военный сборник*. 1859. №6. С. 578.
15. Глиноецкий Н. П. Исторический очерк Николаевской академии генерального штаба. СПб: Типография штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1882. 711 с.
16. Глиноецкий Н. П. История Русского генерального штаба. В 2-х т. Том I: 1698-1825 г. СПб.: Тип. Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1883. 438 с.
17. *Военная энциклопедия*. Т. 9. С. 203-204.
18. Торнау Ф.Ф. Воспоминания барона Ф.Ф. Торнау // *Исторический вестник*. Т. XLVII. 1897. С. 431.
19. Фрейдзон В.И. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времён до образования республики (1991 г.). СПб.: Алетейя, 2001. С. 145.

20. Систематический указатель Военного сборника за 1858-1890 гг. СПб.: тип. Департ. Уделов, 1891. С. 100-102.
21. Глиноецкий Н.П. Сочинения, относящиеся до последней войны в Центральной Европе // Военный сборник. 1866. № 12. С. 73.
22. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1866. № 11. С. 66.
23. Прибавление к военному энциклопедическому лексикону. СПб.: типография Императорской Академии наук, 1852. С. 144-145.
24. Виккеде Ю. Военные силы Германии и развитие их в новейшее время // Военный сборник. 1859. № 2. С. 672.
25. Мысли о военном положении Австрии в случае войны с Россией. // Военный сборник. 1870. № 3-4. С. 1-28.
26. Драгомиров Н.И. Австро-прусская война в 1866 г. (Статья вторая). С. 84.
27. Сравнительная оценка военных сил Пруссии и Австрии // Русский инвалид. 1866. № 95. С. 3.
28. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1869. №9. С. 98.
29. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1866. №1. С. 238.
30. РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. С. 39-51.
31. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 42.
32. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 42.
33. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1867. №4. С. 203-204.
34. РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. С. 39-51.
35. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1867. №4. С. 197.
36. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1867. №4. С. 204.
37. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1865. №1. С. 175-176.
38. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1868. №5-6. С. 158.
39. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1867. №4. С. 205.
40. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 43.
41. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1865. №1. С. 174.
42. Библиография // Военный сборник. 1866. № 2. С. 159.
43. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1865. №1. С. 174.
44. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1869. №1. С. 109.
45. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1868. №1-2. С. 164.
46. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1869. №1. С. 115.
47. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1869. №9. С. 93.
48. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1868. №3-4. С. 118.
49. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1869. №1. С. 109.
50. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1871. №10. С. 171-172.

51. Дронов А.М. Проекты реорганизации Военной Границы Монархии Габсбургов в 1850-1860 гг. [Электронный ресурс] // Конференция Ломоносов-2015. URL: http://lomonosov-msu.ru/file/uploaded/3000/report/uid61421_report.pdf (дата обращения: 15.05.2016).
52. РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 112. Л. 47.
53. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1868. №3-4. С. 119.
54. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1871. №10. С. 171-172.
55. РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. Л. 18-19.
56. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 145-151.
57. Жуковская Н.П., Шнейдер А.Е. Записки Боголюба Каталинича о военно-политическом положении в южно-славянских землях в 1869-1870 гг. // Славянский архив. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 216-218.
58. Нигалатий М.В. Боголюб Каталинич: австрийский офицер-граничар на русской службе // Вестник Тверского Государственного университета. Серия: История. 2007. № 25 (53). С. 148-161.
59. Нигалатий М.В. Боголюб Каталинич: австрийский офицер-граничар на русской службе. С. 148-150.
60. Беленький А.Б. Разгром мексиканским народом иностранной интервенции 1861-1867 гг. М.: АН СССР, 1959. С. 116-117.
61. Беленький А.Б. Разгром мексиканским народом иностранной интервенции 1861-1867 гг. С. 102.
62. Беленький А.Б. Разгром мексиканским народом иностранной интервенции 1861-1867 гг. С. 140.
63. Нигалатий М.В. Боголюб Каталинич: австрийский офицер-граничар на русской службе. С. 155-158.
64. РГВИА. Ф. 430. Оп. 1. Д. 7. Л. 24-26.
65. РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 1-19.
66. Торнау Ф.Ф. Воспоминания барона Ф.Ф. Торнау. С. 444.
67. Карцов Ю. С. За кулисами дипломатии // Русская старина. Т. СXXXIII. 1908. С. 91.
68. Карцов Ю. С. За кулисами дипломатии. С. 91.
69. Жуковская Н.П., Шнейдер А.Е. Записки Боголюба Каталинича о военно-политическом положении в южно-славянских землях в 1869-1870 гг. С. 216.
70. Нигалатий М.В. Боголюб Каталинич: австрийский офицер-граничар на русской службе. С. 153-160.
71. Нигалатий М.В. Боголюб Каталинич: австрийский офицер-граничар на русской службе. С. 153-160.
72. Жуковская Н.П., Шнейдер А.Е. Записки Боголюба Каталинича о военно-политическом положении в южно-славянских землях в 1869-1870 гг. С. 216-217.
73. РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 44-67.
74. РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 38-77.
75. РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 59-68.
76. Драгомиров Н.И. Австро-прусская война в 1866 г. (Статья вторая). С. 85.
77. Торнау Ф.Ф. Воспоминания барона Ф.Ф. Торнау. С. 81.
78. РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 40.
79. РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 55-70.
80. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 155.
81. Библиография // Военный сборник. 1866. № 2. С. 159.
82. Нигалатий М.В. Боголюб Каталинич: австрийский офицер-граничар на русской службе. С. 149-152.
83. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 160.
84. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 149.
85. Иностранное известие // Русский инвалид. 1866. № 5-21.
86. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 149.
87. Иностранное известие // Русский инвалид. 1866. № 101. С. 3.

88. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 149-151.
89. Дронов А.М. Проекты реорганизации Военной Границы Монархии Габсбургов в 1850-1860 гг.
90. Дронов А. М. Языковой вопрос на Военной Границе Габсбургской монархии в 1850–1870-е гг. // Славянский альманах. 2016. № 1-2. С. 51.
91. РГВИА. Ф. 430. Оп. 1. Д. 7. Л. 10-13.
92. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 152.
93. РГВИА. Ф. 430. Оп. 1. Д. 7. Л. 11-18.
94. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 163.
95. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 158.
96. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 152.
97. Карцов Ю. С. За кулисами дипломатии. С. 93.
98. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 146-147.
99. Жуковская Н.П., Шнейдер А.Е. Записки Боголюба Каталинича о военно-политическом положении в южно-славянских землях в 1869-1870 гг. С. 219-220.
100. РГВИА. Ф. 430. Оп. 1. Д. 7. Л. 23-26.
101. Карцов Ю. С. За кулисами дипломатии. С. 90.
102. РГВИА. Ф. 430. Оп. 1. Д. 7. Л. 1-26.
103. Карцов Ю. С. За кулисами дипломатии. С. 93.
104. Нигалатий М.В. Боголюб Каталинич: австрийский офицер-граничар на русской службе. С. 153-160.
105. Глиноецкий Н.П. Военное обозрение // Военный сборник. 1861. №2. С. 576.
106. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 44-45.
107. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 44-45.
108. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // Russkaya Starina, 2015, Vol.(13), Is. 1, pp. 19-37.
109. Салтыков-Щедрин М.Е. Литературные мелочи // Современник. 1864. № 5. С. 1-26.
110. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 149-150.
111. Дронов А.М. Проекты реорганизации Военной Границы Монархии Габсбургов в 1850-1860 гг.
112. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 145-152.
113. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 151.
114. Нигалатий М.В. Боголюб Каталинич: австрийский офицер-граничар на русской службе. С. 157-161.

References:

1. Volvenko A.A. D.A. Milyutin and Cossacks // Bylye Gody, 2016, Vol. (40), Is. 2, p. 400.
2. Milyutin D.A. Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina. 1860-1862. M.: Rossiiskii arkhiv, 1999. S. 262-263.
3. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 41.
4. Inostrannye izvestiya // Russkii invalid. 1866. № 18-38.
5. Peretyat'ko A.Yu. Voennaya organizatsiya i voennoe upravlenie Oblasti Voiska Donskogo vo vtoroi polovine XIX v. Rostov-na-Donu, SKNTs VSh YuFU, 2014. S. 91-96.
6. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 40-46.
7. Glinoetskii N.P. Voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1859. № 2. S. 288.
8. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1867. №4. S. 196-197.
9. Voennaya entsiklopediya. T. 9. SPb.: tov. I.D. Sytina, 1912. S. 203-204.
10. Dragomirov M.I. Sol'ferinskaya bitva. SPb.: tip. N. Tiblena i komp., 1861. S. 70-91.
11. Dragomirov N.I. Avstro-prusskaya voina v 1866 g. (Stat'ya vtoraya) // Voennyi sbornik. 1867. №4. S. 80-81.
12. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1866. № 11. S. 66.
13. Glinoetskii N.P. Avstriya, ee sily i vragi // Voennyi sbornik. 1866. №6. S. 290.
14. Glinoetskii N.P. Voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1859. №6. S. 578.
15. Glinoetskii N. P. Istoricheskii ocherk Nikolaevskoi akademii general'nogo shtaba. SPb: Tipografiya shtaba voisk gvardii i Peterburgskogo voennogo okruga, 1882. 711 s.

16. Glinoetskii N. P. Istoriya Russkogo general'nogo shtaba. V 2-kh t. Tom I: 1698-1825 g. SPb.: Tip. Shtaba voisk gvardii i Peterburgskogo voennogo okruga, 1883. 438 s.
17. Voennaya entsiklopediya. T. 9. S. 203-204.
18. Tornau F.F. Vospominaniya barona F.F. Tornau // Istoricheskii vestnik. T. XLVII. 1897. S. 431.
19. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. Kratkii ocherk s drevneishikh vremen do obrazovaniya respubliki (1991 g.). SPb.: Aleteiya, 2001. S. 145.
20. Sistematischeskii ukazatel' Voennogo sbornika za 1858-1890 gg. SPb.: tip. Depart. Udelov, 1891. S. 100-102.
21. Glinoetskii N.P. Sochineniya, otnosyashchiesya do poslednei voiny v Tsentral'noi Evrope // Voennyi sbornik. 1866. № 12. S. 73.
22. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1866. № 11. S. 66.
23. Pribavlenie k voennomu entsiklopedicheskomu leksikonu. SPb.: tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1852. S. 144-145.
24. Vikkede Yu. Voennye sily Germanii i razvitie ikh v noveishee vremya // Voennyi sbornik. 1859. № 2. S. 672.
25. Mysli o voennom polozhenii Avstrii v sluchae voiny s Rossieyu. // Voennyi sbornik. 1870. № 3-4. S. 1-28.
26. Dragomirov N.I. Avstro-prusskaya voina v 1866 g. (Stat'ya vtoraya). S. 84.
27. Sravnitel'naya otsenka voennykh sil Prussii i Avstrii // Russkii invalid. 1866. № 95. S. 3.
28. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1869. №9. S. 98.
29. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1866. №1. S. 238.
30. RGVIA. F. 428. Op. 1. D. 108. S. 39-51.
31. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 42.
32. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 42.
33. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1867. №4. S. 203-204.
34. RGVIA. F. 428. Op. 1. D. 108. S. 39-51.
35. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1867. №4. S. 197.
36. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1867. №4. S. 204.
37. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1865. №1. S. 175-176.
38. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1868. №5-6. S. 158.
39. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1867. №4. S. 205.
40. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 43.
41. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1865. №1. S. 174.
42. Bibliografiya // Voennyi sbornik. 1866. № 2. S. 159.
43. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1865. №1. S. 174.
44. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1869. №1. S. 109.
45. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1868. №1-2. S. 164.
46. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1869. №1. S. 115.
47. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1869. №9. S. 93.
48. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1868. №3-4. S. 118.
49. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1869. №1. S. 109.
50. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1871. №10. S. 171-172.
51. Dronov A.M. Proekty reorganizatsii VoЕННОI Granitsy Monarkhii Gabsburgov v 1850-1860 gg. [Elektronnyi resurs] // Konferentsiya Lomonosov-2015. URL: http://lomonosov-msu.ru/file/uploaded/3000/report/uid61421_report.pdf (data obrashcheniya: 15.05.2016).
52. RGVIA. F. 428. Op. 1. D. 112. L. 47.
53. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1868. №3-4. S. 119.
54. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1871. №10. S. 171-172.
55. RGVIA. F. 330. Op. 61. D. 1937. L. 18-19.
56. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 145-151.
57. Zhukovskaya N.P., Shneider A.E. Zapiski Bogolyuba Katalinicha o voenno-politicheskom polozhenii v yuzhno- slavyanskikh zemlyakh v 1869-1870 gg. // Slavyanskii arkhiv. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1961. S. 216-218.
58. Nigalatii M.V. Bogolyub Katalinich: avstriiskii ofitser-granichar na russkoi sluzhbe // Vestnik Tverskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. 2007. № 25 (53). S. 148-161.

59. Nigalatii M.V. Bogolyub Katalinich: avstriiskii ofitser-granichar na russkoi sluzhbe. S. 148-150.
60. Belen'kii A.B. Razgrom meksikanskim narodom inostrannoi interventsii 1861-1867 gg. M.: AN SSSR, 1959. S. 116-117.
61. Belen'kii A.B. Razgrom meksikanskim narodom inostrannoi interventsii 1861-1867 gg. S. 102.
62. Belen'kii A.B. Razgrom meksikanskim narodom inostrannoi interventsii 1861-1867 gg. S. 140.
63. Nigalatii M.V. Bogolyub Katalinich: avstriiskii ofitser-granichar na russkoi sluzhbe. S. 155-158.
64. RGVIA. F. 430. Op. 1. D. 7. L. 24-26.
65. RGVIA. F. 428. Op. 1. D. 108. L. 1-19.
66. Tornau F.F. Vospominaniya barona F.F. Tornau. S. 444.
67. Kartsov Yu. S. Za kulisami diplomatii // Russkaya starina. T. CXXXIII. 1908. C. 91.
68. Kartsov Yu. S. Za kulisami diplomatii. S. 91.
69. Zhukovskaya N.P., Shneider A.E. Zapiski Bogolyuba Katalinicha o voenno-politicheskom polozhenii v yuzhno- slavyanskikh zemlyakh v 1869-1870 gg. S. 216.
70. Nigalatii M.V. Bogolyub Katalinich: avstriiskii ofitser-granichar na russkoi sluzhbe. S. 153-160.
71. Nigalatii M.V. Bogolyub Katalinich: avstriiskii ofitser-granichar na russkoi sluzhbe. S. 153-160.
72. Zhukovskaya N.P., Shneider A.E. Zapiski Bogolyuba Katalinicha o voenno-politicheskom polozhenii v yuzhno- slavyanskikh zemlyakh v 1869-1870 gg. S. 216-217.
73. RGVIA. F. 428. Op. 1. D. 108. L. 44-67.
74. RGVIA. F. 428. Op. 1. D. 108. L. 38-77.
75. RGVIA. F. 428. Op. 1. D. 108. L. 59-68.
76. Dragomirov N.I. Avstro-prusskaya voina v 1866 g. (Stat'ya vtoraya). S. 85.
77. Tornau F.F. Vospominaniya barona F.F. Tornau. S. 81.
78. RGVIA. F. 428. Op. 1. D. 108. L. 40.
79. RGVIA. F. 428. Op. 1. D. 108. L. 55-70.
80. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 155.
81. Bibliografiya // Voennyi sbornik. 1866. № 2. S. 159.
82. Nigalatii M.V. Bogolyub Katalinich: avstriiskii ofitser-granichar na russkoi sluzhbe. S. 149-152.
83. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 160.
84. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 149.
85. Inostrannye izvestiya // Russkii invalid. 1866. № 5-21.
86. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 149.
87. Inostrannye izvestiya // Russkii invalid. 1866. № 101. S. 3.
88. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 149-151.
89. Dronov A.M. Proekty reorganizatsii VoЕННОI Granitsy Monarkhii Gabsburgov v 1850-1860 gg.
90. Dronov A. M. Yazykovoi vopros na VoЕННОI Granitse Gabsburgskoi monarkhii v 1850-1870-e gg. // Slavyanskii al'manakh. 2016. № 1-2. S. 51.
91. RGVIA. F. 430. Op. 1. D. 7. L. 10-13.
92. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 152.
93. RGVIA. F. 430. Op. 1. D. 7. L. 11-18.
94. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 163.
95. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 158.
96. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 152.
97. Kartsov Yu. S. Za kulisami diplomatii. S. 93.
98. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 146-147.
99. Zhukovskaya N.P., Shneider A.E. Zapiski Bogolyuba Katalinicha o voenno-politicheskom polozhenii v yuzhno- slavyanskikh zemlyakh v 1869-1870 gg. S. 219-220.
100. RGVIA. F. 430. Op. 1. D. 7. L. 23-26.
101. Kartsov Yu. S. Za kulisami diplomatii. S. 90.
102. RGVIA. F. 430. Op. 1. D. 7. L. 1-26.
103. Kartsov Yu. S. Za kulisami diplomatii. S. 93.

104. Nigalatii M.V. Bogolyub Katalinich: avstriiskii ofitser-granichar na russkoi sluzhbe. S. 153-160.
105. Glineetskii N.P. Voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1861. №2. S. 576.
106. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 44-45.
107. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 44-45.
108. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // Russkaya Starina, 2015, Vol.(13), Is. 1, pp. 19-37.
109. Saltykov-Shchedrin M.E. Literaturnye melochi // Sovremennik. 1864. № 5. S. 1-26.
110. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 149-150.
111. Dronov A.M. Proekty reorganizatsii Voennoi Granitsy Monarkhii Gabsburgov v 1850-1860 gg.
112. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 145-152.
113. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 151.
114. Nigalatii M.V. Bogolyub Katalinich: avstriiskii ofitser-granichar na russkoi sluzhbe. S. 157-161.

УДК 94(497.5)

Военная Граница от битвы при Сольферино до начала демилитаризации: три взгляда из России (Ф.Ф. Торнау, Н.И. Краснов, Б. Каталинич). Часть II

Артем Юрьевич Перетяцько

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований,
Российская Федерация
Лаборатория военных исследований
Кандидат исторических наук
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются материалы российской периодической печати 1860 гг. о Военной Границе и проект организации славянского восстания в Австрийской империи, разработанный Б. Каталиничем. Автор приходит к выводу, что авторы журнальных публикаций (Н.П. Глиноецкий, единственный российский офицер, регулярно писавший о граничарах, и М.И. Драгмиров, известный военных теоретик) рассматривали пограничные полки не как военно-поселенное войско, но как часть регулярной австрийской армии и переоценивали их боеспособность.

Особое внимание уделено проекту Б. Каталинича, который был младшим офицером в четырех армиях: австрийской, мексиканской, сербской и русской. Его проект общеславянского восстания носит фантастический характер, но военный министр Д.А. Милютин, начальник Главного штаба Ф.Л. Гейден и другие высокопоставленные российские чиновники выражали интерес к нему. Результатом исследования является вывод о том, что в иных условиях проект Б. Каталинича мог оказать определенное влияние на русско-австрийские и русско-хорватские отношения, однако был предложен слишком поздно.

Ключевые слова: граничары, казаки, военно-поселенные войска, Австрийская империя, Н.П. Глиноецкий, Б. Каталинич.